

Когда первый утренний свет пробился сквозь щель в занавесках и коснулся кончика твоего носа, ты услышал, как внизу миссис Эванс торопит детей завтракать. Затем послышался скрежет отодвигаемых стульев, звон посуды, и голос Лили, которая с набитым ртом невнятно пробормотала: Иду, иду. Шаги Петунии были чуть медленнее, но тоже простучали по лестнице.

Как только входная дверь закрылась, в доме воцарилась тишина.

Ты лежал на кровати Петунии, прислушиваясь, и убедился, что в доме никого не осталось. Мистер Эванс уже ушел на работу, а миссис Эванс отправилась за покупками в город и вернется не раньше полудня. Ты остался в доме совсем один.

Потянувшись, ты спрыгнул с кровати и подошел к окну. На улице две фигурки с сумками, одна за другой, удалялись прочь. Рыжие волосы Лили в утреннем свете походили на пляшущий огонек, а золотистый хвост Петунии спокойно покачивался у нее за спиной. Они свернули за угол и скрылись из виду.

Ты отвел взгляд и посмотрел на свои лапы.

Ты здесь уже некоторое время. И постепенно начал замечать, что в этом теле, помимо лисьих инстинктов, скрыто что-то еще.

Какая-то неведомая сила, похожая на подземную реку, время от времени давала о себе знать, когда ты терял бдительность.

Несколько дней назад, когда ты гонялся за бабочкой в саду, она вдруг замерла в воздухе на секунду, словно подхваченная невидимой рукой, а затем полетела дальше. Ты тогда застыл на месте, а сердце гулко колотилось в груди еще долгое время.

Сегодня эта сила была особенно активна.

Она дремала глубоко в твоей груди, как та самая подземная река, но сегодня наконец нашла выход и заструилась наружу.

Ты закрыл глаза, позволяя себе прикоснуться к ней — из центра груди хлынул поток теплого воздуха, разливаясь по всему телу. Кости тихо хрустнули, тело начало растягиваться, меняться, перестраиваться.

Ты открыл глаза. Мир стал почти вдвое выше.

Ты опустил взгляд и увидел человеческие руки. Десять тонких, белых пальцев с нежно-розовыми ногтями. Ты попробовал сжать кулак — суставы были гибкими, но такими непривычными. Ты медленно встал, ноги дрожали, колени не слушались, и тебе пришлось опереться на край кровати, чтобы удержать равновесие.

Ты, пошатываясь, подошел к зеркалу.

В отражении стояла девочка лет восьми-девяти. Длинные белоснежные волосы рассыпались по плечам и спине, мягкие, пушистые, с легким серебристым отливом. На макушке торчали острые белые лисьи ушки с нежно-розовой внутренней стороной, которые от волнения слегка подергивались. Лицо сохранило детскую округлость, миндалевидные глаза светились золотом, словно мед, растопленный на солнце.

Ты опустил взгляд ниже.

От копчика тянулся пушистый белый хвост, такой густой, что почти доставал до подколенных впадин. Ты попытался пошевелить им, и хвост непроизвольно качнулся из стороны в сторону, словно честный флаг.

Ты долго смотрел на свое отражение, и в голове билась лишь одна мысль:

На мне нет одежды.

Ты поспешно обернулся лисой. Вспышка белого света — и ты снова стоишь на четырех лапах, вздрагивая от пережитого волнения. Оборот отнял немало сил, ты полежал на полу, восстанавливая дыхание, а затем вскочил и выпрыгнул в окно.

Тебе нужно к Северусу.

Ты бежал трусцой по улицам Кокворта, обогнул мусорный бак, где каждое утро дежурил черный кот, пересек уже пожухшую лужайку и оказался в Прядильном тупике. Ты не стал входить через парадную дверь — это было слишком опасно, кто знает, дома ли сейчас Тобиас, — и пробрался через знакомое кухонное окно, которое никогда не закрывалось до конца.

В доме было тихо. Никакого звона бутылок, никакого шума телевизора, никакого тяжелого дыхания того мужчины. Ты наострил уши, прислушался, а затем на цыпочках прокрался по коридору, поднялся по лестнице и подошел к знакомой двери.

Она была приоткрыта. Ты подтолкнул ее головой и проскользнул внутрь.

Северус сидел на краю кровати с книгой в руках, но его взгляд не был устремлен на страницы. Он смотрел на полузасохшее дерево за окном, его лицо было застывшим, как у человека, который остался наедине с собой — ни печали, ни радости, просто состояние покоя. Услышав шорох, он обернулся, и в его черных глазах на мгновение мелькнул едва заметный огонек.

— ...Ты почему сегодня пришел? — он отложил книгу и протянул к тебе руку. Ты подошел и потерся головой о его ладонь, а затем отступил на пару шагов.

Он с недоумением посмотрел на тебя: — Что такое?

Ты глубоко вдохнул и закрыл глаза. Белый свет просочился изнутри, окутывая тебя. Ты чувствовал, как тело растягивается, меняется: задние лапы стали ногами, передние — руками, спина выпрямилась, обзор стал выше. Появилась новая, непривычная тяжесть у основания позвоночника, а на голове — два тонких подвижных хрящика.

Свет погас.

Ты стоял перед ним — нагой, худенький, с белоснежными прядями волос, падающими на ключицы. Пара пушистых белых лисьих ушек слегка подрагивала в волосах, словно две только что появившиеся, дышащие облачка. Миндалевидные глаза с золотыми зрачками смотрели на него с надеждой и тревогой. Пушистый белый хвост свешивался сзади, кончиком слегка обвивая твою лодыжку.

Лицо Северуса застыло.

Книга соскользнула с его коленей и с глухим стуком упала на пол. Он даже не попытался ее поднять. Его рот приоткрылся, закрылся, снова приоткрылся, кадык дернулся — он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Его взгляд переместился с твоего лица на уши, затем на хвост, прошелся по плечам и рукам, а потом он резко отвернулся, будто обжегшись.

Его уши с невероятной скоростью окрасились в красный цвет. Сначала кончики, потом вся ушная раковина, и жар пополз к шее, даже кожа на затылке стала розовой. Он замер на месте, впившись взглядом в какую-то точку на стене, и наотрез отказывался поворачиваться.

— ...Сия?! — его голос сорвался на высокую ноту, звуча на грани срыва.

Ты кивнул. Лисьи уши качнулись, хвост тоже вильнул.

Он сделал глубокий вдох, потом еще один. Затем резко вскочил, словно спасаясь от катастрофы, быстро подошел к двери, приоткрыл ее, выглянул в коридор — убедился, что там никого нет, — и тут же запер дверь на засов. Он стоял к тебе спиной, плечи его тяжело вздымались, а уши, казалось, вот-вот загорятся.

— Ты... ты не двигайся! — его голос звучал напряженно, с той самой беспомощной растерянностью, свойственной мальчишкам его возраста. — Не двигайся! Ни в коем случае!

Он бросился к шкафу, почти залез внутрь, перерыл все вещи и вытащил старую рубашку, которая была ему уже мала, и шорты на резинке. Стоя к тебе спиной, он протянул одежду, вытянув руку, а голову отвернул в сторону, уставившись на стык стены и потолка, словно это было самое важное в мире.

— ...Надень. — голос его звучал глухо, срываясь на концах фраз.

Ты взял одежду. Рубашка была тебе велика, подол доходил до середины бедер, а рукава закрывали пальцы. Шорты тоже оказались широки, пришлось придерживать их рукой, чтобы не сползли. Ты одернул подол, приводя себя в порядок, и тихо пискнул, давая понять, что он может повернуться.

Он медленно обернулся.

Его взгляд сначала упал на твое лицо, убедившись, что ты одет, и он явно выдохнул с облегчением. Но тут же его внимание приковали те самые ушки, которые все еще слегка подрагивали.

Он смотрел на них слишком долго, а потом невольно перевел взгляд на беспокойный хвост за твоей спиной. Его щеки залил легкий румянец — не слишком яркий, но для его вечно бледной кожи это было невозможно не заметить.

Он прочистил горло и постарался вернуть голосу прежнюю холодность, хотя нотки напряжения никуда не делись: — ...Ты умеешь превращаться. Ты всегда это умела?

Ты покачал головой, указал на свои уши и хвост, открыл рот, но издал лишь невнятный звук. Ты еще не умел говорить в человеческом облике.

Северус понял.

— ...Только что научилась? — спросил он.

Ты энергично кивнул, и в твоих золотых глазах вспыхнул ожидание.

Он снова замолчал. Стоя у окна, он купался в полуденном солнце, которое очертило его черные волосы тонким золотым контуром.

Он опустил голову, словно переваривая информацию, и лишь спустя долгое время поднял взгляд. Сделал шаг к тебе, остановился, посмотрел на твои уши и вдруг совершил то, чего ты совсем не ожидал.

Он протянул руку.

Ладонь раскрыта, зависла в воздухе в паре дюймов от твоей головы. Он замер, словно ожидая разрешения.

Ты сам подался вперед, подставляя голову под его ладонь — но он коснулся не волос, а пушистого белого ушка.

В тот момент, когда его пальцы коснулись тебя, вы оба застыли.

Чувствительность лисьих ушей оказалась гораздо выше, чем ты предполагал. Ты отчетливо ощущал тепло его пальцев, узоры на коже и даже легкую дрожь от волнения. Он осторожно погладил кончик уха, словно проверяя температуру воды, затем медленно провел по краю и остановился у самого основания, легонько потирая подушечкой пальца самый мягкий пушок.

Ты невольно вздрогнул, ухо под его ладонью дернулось, заставив пушинки на нем затрепетать.

Северус отдернул руку, словно его ударило током. Но, отпрянув, он помедлил, а затем снова протянул руку — на этот раз смелее — и большим и указательным пальцами слегка ущипнул тебя за кончик уха, словно проверяя, из чего это сделано.

— ...Настоящие, — прошептал он, и в его голосе слышалось осторожное изумление. — Не галлюцинация.

Он еще долго смотрел на твои уши, затем отвел взгляд, прочистил горло и попытался придать лицу обычное холодное выражение.

Но потерпел неудачу — румянец на щеках выдал его. Он отвернулся, делая вид, что смотрит в окно, но ты прекрасно видел, что кончики его ушей красные, будто обожженные огнем.

— ...Ты так и останешься с ними? — спросил он, стараясь говорить ровно. — Когда превращаешься в человека, они не исчезают?

Ты кивнул и указал на хвост — мол, с ним то же самое.

Он мельком взглянул на твой хвост и тут же отвел глаза, кадык его дернулся. Он молчал несколько секунд, а потом глухо произнес, и в его голосе проскользнуло что-то похожее на облегчение: — ...И хорошо. Так я хотя бы смогу тебя узнать.

Он повернулся к столу, долго рылся в ящиках, нашел резинку для волос и протянул тебе. Он по-прежнему избегал смотреть тебе в глаза, глядя куда-то в район твоих ушей.

— Завяжи волосы. Если выйдешь так, будешь слишком приметной.

Ты взял резинку, посмотрел на свои растрепанные белые волосы, поднял взгляд на него и невинно захлопал глазами.

Северус понял, что ты имеешь в виду. Он вздохнул — в этом вздохе слышалась обреченная покорность, но если прислушаться, можно было уловить едва заметное снисхождение.

— ...Повернись.

Ты послушно развернулся. Его пальцы неуклюже зарылись в твои волосы, пытаясь собрать их в пучок. Было очевидно, что он никогда никому не делал причесок: движения были неловкими, осторожными. Он дернул за прядь, ты тихо пискнул от боли, он тут же замер и прошептал: — ...Терпи, — после чего продолжил, стараясь действовать мягче.

Это заняло много времени. Несколько раз твои уши случайно касались его пальцев, и каждый раз он замирал, а потом делал вид, что ничего не произошло. В отражении зеркала ты видел его лицо — брови слегка нахмурены, губы сжаты в линию, выражение предельно сосредоточенное, словно он варил зелье, готовое взорваться в любую секунду. Но уши оставались красными от начала и до конца.

Наконец он завязал тебе кривоватый хвост. Он съехал влево, натянут был неровно, несколько прядей выбилось у висков, но волосы действительно держались.

Ты обернулся, поднял голову и улыбнулся ему.

Северус, встретившись с твоей улыбкой, словно получил удар. Он застыл на пару секунд, глядя на твое лицо — на твои сощуренные золотые глаза, на легкий изгиб губ — а потом резко отвернулся, наклонился, поднял книгу и стал быстро листать страницы, делая вид, что ищет нечто крайне важное.

Но ты ясно видел, что его уши покраснели еще сильнее.

— ...Сойдет, — сказал он, обращаясь к страницам книги. Голос звучал нарочито сухо, но хрипотца выдавала его. — По крайней мере, теперь ты не похожа на совсем уж глупышку.

Ты улыбнулся еще шире, и хвост радостно вильнул за спиной.

Он не обернулся, но рука, державшая книгу, замерла. Прошло несколько секунд, и он произнес очень тихо, почти заглушая шум ветра за окном:

— ...Красиво.

Затем он с хлопком закрыл книгу, встал и подошел к окну, оставив тебя разглядывать его покрасневший затылок.

Ты стоял на месте, кончик хвоста слегка подрагивал, а на душе было так тепло, словно внутри

медленно таял кусочек сахара.

<http://bllate.org/book/21197/2145815>